

Надежда и Николай ЗОРИНЫ

*Ты уверен,
кто сам управляет своим разумом?*

*Мисловый код
Бессмертия*

**Николай Зорин
Надежда Зорина**

Числовой код бессмертия

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22838009
Числовой код бессмертия: Э; Москва; 2017
ISBN 978-5-699-93900-8*

Аннотация

Иван Молчанов – писатель-пророк. События, которые он изображает в романах и рассказах, обязательно происходят на самом деле, а его герои – настоящие люди. И если он описывает смерть своего персонажа – вскоре умирает реальный человек. Но Иван не может изменить ни одного своего сюжета, даже когда события ему не нравятся, даже когда он боится того, что произойдет на страницах его книги, а значит, и в реальной жизни. И вот однажды Иван сам становится героем собственного романа, и то, какая судьба его ожидает, он сможет узнать лишь по завершении последней книги...

Содержание

Пролог	5
Часть 1. Неоконченный роман	10
Глава 1	10
Глава 2	27
Глава 3	57
Конец ознакомительного фрагмента.	80

**Надежда и
Николай Зорины
Числовой код бессмертия**

© Зорина Н., Зорин Н., 2017

© Оформление. «Издательство «Э»», 2017

Пролог

Полумрак быстро сменяется темнотой. Ступаю осторожно, боюсь оступиться. Если оглянуться, то еще можно увидеть проблески света, но с каждым шагом они становятся все неразличимей. Длинный узкий коридор старой гостиницы. Я ищу свою комнату. Но в крошечной темноте найти ее очень трудно. Вытягиваю руки, пытаюсь на ощупь определить нужную дверь, но пальцы упираются в шершавую стену. Тревожно и жутко. Я словно попал в кошмар и не могу проснуться. Страх нарастает, но я не даю ему завладеть мной полностью, подчинить меня своей власти. Вспоминаю, что оказался в этом темном коридоре не вдруг, не сразу, как это происходит в кошмарах, – темнота нарастала постепенно. Там, внизу, в холле гостиницы, было светло и уютно. Усталый сонный портье выдал мне ключ на деревянной груше и назвал номер комнаты. Какой он номер назвал? Триста какая-то. Но какая? Я совершенно забыл! Страх снова подступает к горлу, как тошнота. Мне никогда не найти своей комнаты! Я обречен вечно бродить в темноте.

Пытаюсь вспомнить, но ничего не получается. Цифры и числа вихрятся в голове, кривляются и смеются. Абсолютная бесконечность перевернутой восьмерки задевает крылом меня по лицу, я вздрагиваю. В панике мечусь по коридору, натываясь на стены. Но вот – наконец-то! – ладонь ощущает

холодную ручку двери. Я поворачиваю ее – и оказываюсь в комнате.

Голубовато-серый ночник создает ощущение морозного раннего утра. Цифры снова приходят в движение, черные хищные цифры. Я понимаю, что эта комната – не моя. На кровати лежит человек, приговоренный к смерти. Ему осталось всего три часа. Как только раннее утро перейдет в морозный сумрачный день, приговор будет приведен в исполнение. А пока человек спит. Лицо его искажено страданием. На тумбочке возле кровати лежит пистолет. Еще не разряженный. Еще! Воздух пахнет отчаяньем. В этой комнате комбинация цифр сложилась в число смерти.

Прочь! Обратно в коридор! Недопустимо смотреть на спящего за три часа до его смерти.

Делаю шаг назад из предсмертного утра в мирную, живую, желанную теперь темноту коридора. Точно слепой, вытянув руки, боком ступаю и натываюсь на следующую дверь. Останавливаюсь, перевожу дыхание. Зайти или не зайти? Как узнать, моя это комната или чужой кошмар? Цифры и числа... А вдруг повезет, и я попаду к себе? Какой это номер? Не разглядеть, да и все равно, я так и не вспомнил, какая комната моя. Старомодная груша ключа топорщит карман. Достать и попытаться на ощупь определить цифры и числа. Достаяю и пытаюсь. Ничего не выходит! Цифры издевательски смеются. Прислушиваюсь к их смеху, прижимаясь к двери. Моей? Чужой? Смех меняет окраску – смех льется, как

радостная, жизнеутверждающая музыка: безнадежный кошмар разрешился беспредельным счастьем. Толкаю дверь и вхожу. Точно такая же комната, точно так же горит ночник, на кровати лежит человек. Тот самый, которого я оставил мгновенье назад – приговоренный. Вот только на тумбочке нет пистолета, вместо него безобидная курительная трубка. А на полу бутылка из-под шампанского. Я случайно задеваю ее ногой, она, пустая, катится по полу с легким позвякиванием, словно заливаётся смехом. Человек на кровати отвечает ей, смеется во сне.

Но как же так? Может, я ошибся, и это не он? Вернуться в прежнюю комнату и проверить?

Пячусь, пячусь и выпадаю в коридор. Куда идти: направо или налево? Где та комната с приговоренным к смерти? Никак не могу сориентироваться. По правую или по левую руку была дверь? Не помню. Где конец, где начало у этого коридора?

Иду наугад, так и не вспомнив. Новая дверь. Осторожно, словно боясь спугнуть робкую галлюцинацию, приоткрываю чуть-чуть, на маленькую щелочку. Никакого серо-голубого свечения – красновато-коричневый полумрак. Значит, ошибся, повернул не туда. Припадаю к щели. Двое мужчин о чем-то возбужденно спорят. Придвигаюсь ближе, чтобы услышать их разговор. Речь идет о какой-то необыкновенной удаче. Они говорят всего-навсего о выгодной сделке. Реальная обыденность их разговора меня успокаивает. Гостиница,

в которой я не один, больше не пугает. Успокоенный, примиренный с реальностью, отхожу от двери.

Иду вперед, дальше, дальше по коридору. Темнота мне больше не помеха, безошибочно определяю дверь следующей комнаты, бесцеремонно толкаю. На полу сидит девушка. Раскачивается, словно в трансе, лицо совершенно несчастное. Красная комната. Цифры и числа замерли скорбно. Жизнь и счастье здесь тоже проиграны. Эту девушку обвинили в убийстве.

Быстро иду, почти бегу по коридору. Очередная дверь. Те же двое, в том же красновато-коричневом полумраке. Но запах удачи испарился совершенно. В комнате пахнет опасностью. Один из мужчин что-то прячет за спиной. Нож? Пистолет? Мне не видно. А он с ненавистью и страхом смотрит на другого в упор. И тот от ужаса не может пошевелиться. Не может отвести взгляд, но с какой-то маниакальной настойчивостью повторяет цифры, складывая их в число. Словно молитву перед смертью. Словно заклинание. Трехзначное число или три цифры.

Я убегаю, бегу. Распахиваю подряд все двери. Я уже не верю, что найду свою комнату. Девушка, будто одержимая, пишет на белом листе черным маркером в столбик числа. Мужчина в голубоватом свечении сосредоточенно раскладывает карты. Двое партнеров по странному бизнесу играют в шахматы. Мужчина пьет в одиночку шампанское. Девушка делает цветы из шелка. Выигрыш. Проигрыш. Смерть.

Я бегу, коридор бесконечен, комнаты, комнаты – варианты судеб. Бегу, задыхаюсь от быстрого бега. Двери, двери и числа... Мне не найти своей комнаты.

Усилием воли заставляю себя проснуться.

Утро. Сквозь шторы пробивается яркое солнце. Вокруг привычные вещи. Кошмар закончился. До следующей ночи.

Часть 1. Неоконченный роман

Глава 1

«...Это как перепутать шляпу и прожить чужую жизнь. Я где-то читал эту фразу, но не помню где. Сегодня весь день не идет из головы эта шляпа, все кажется, что я занял место другого и не имею права быть здесь. Странные, чужие мысли, никогда раньше ни о чем подобном не думал. Почему именно сегодня они возникают, ведь все хорошо? И почему мне с самого утра как-то не по себе? Надо отвлечься, вытряхнуть из головы эти глупости. Выпить коньяка и успокоиться. И снова стать другим человеком. То есть нет! Стать собой, прежним. Я всегда был везунчиком по жизни, пронесет и сейчас, разве можно в этом сомневаться?

Коньяк не помог, стало только хуже. Мой компаньон Вячеслав задерживается уже почти на час.

Ну и что? Придет, никуда не денется. Удача, которая несла меня всю жизнь, не может вдруг взбрыкнуть и выбросить из седла. Есть люди счастливые, а есть несчастливые. Я отношусь к первым. С такими, как я, никогда ничего плохого не случается. Так чего раскисать? Придет Вячеслав, мы отправимся в банк, откроем сейф, возьмем рукопись, а завтра выгодно ее продадим. Дело, которое так удачно началось, не

может окончиться неудачей.

Этот дом мы купили по случаю, за смехотворную цену. Он сильно пострадал от пожара. Бывший хозяин погиб в огне. Поговаривали, что под конец жизни он окончательно спятил. Поговаривали, что он сам этот пожар и устроил. Этакое фехерическое самоубийство. От которого выиграли мы с компаньоном. Ох, как выиграли! Приобретая дом – вернее, руины – и радуясь, что совершаем выгодную сделку, мы представить себе не могли, насколько эта сделка окажется выгодной. И даже когда в подвале нашли этот железный ящик, еще до конца не поняли. Стояли, тупо уставившись в исписанные листки, не осознавая, какого золотого тельца заполучили. Впрочем, и тогда о чем-то таком догадывались. В этот же день мы сняли в местном банке сейф и, чтобы не искушать судьбу и друг друга, разделили шифр на двоих: половину шифра придумал и запомнил я, половину – он. Вячеслав не может открыть сейф без меня, а я без него. Он не знает мою половину шифра, а я не знаю его цифры.

Покупателя мы нашли на удивление быстро. Завтра должна состояться самая счастливая в нашей жизни сделка.

Если только... Да нет, нет, все будет хорошо. Странно, мне кажется, что до сих пор в комнате пахнет гарью. Этого быть не может, после такого капитального ремонта. Мы же буквально все отстроили заново, только внешний каркас оставили. Стены отделали дубом. Получилось очень стильно, хоть и мрачновато. И пахнуть должно свежим деревом,

а никакой не гарью.

Мы собирались выставить дом на продажу, после того как продадим рукопись, но, может быть, и не станем выставлять, может, я оставлю дом за собой. Мне здесь нравится. И само старинное здание, и узость улочки, и даже цветочная мастерская напротив. Говорят, эта мастерская была на этой улочке всегда. Здорово, когда можно, открыв окно, упереться взглядом в вечность.

Девушка в бледно-зеленом платье на балконе в доме напротив делает цветы. Так же, как делала ее мать, как ее бабушка, прабабушка, пра-пра... как вечность их делали поколения женщин ее семьи. Одни уходили, на смену приходили другие и садились на этом балконе. С ума сойти можно, как представишь!

Я часто смотрю на эту цветочницу, стою у окна и смотрю. Благодаря узости улочки мне видна почти каждая деталь нарождающегося цветка. Я и сейчас стою. Легкий ветерок схватил из руки девушки розовый шелковый лепесток и понес куда-то по улице. Она с сожалением посмотрела ему вслед, встала, перегнулась через перила, бросила быстрый взгляд на меня.

Сердце кольнуло, ладони вспотели, подступила тревога. Зачем она на меня посмотрела? Или мне показалось, а посмотрела она вовсе не на меня? Снова уселась как ни в чем не бывало, взяла с небольшого столика кусок шелка, принялась вырезать новые лепестки.

Не знаю, почему сегодня мне так тревожно. Сейчас вдруг представилось, что эта девушка за мной следит. Делает вид, что погружена в работу, а сама украдкой наблюдает за моим окном. И опять глупые мысли полезли в голову, будто я – это вовсе не я, и девушка следит не за мною, а за тем, кто должен быть на моем месте. Все дело в этой дурацкой шляпе, которая навязчиво вспоминается. Где же я об этом читал? Я уже сто лет ничего не читаю.

Отошел от окна, но не выдержал и вернулся. Лучше уж видеть ее, знать, что она делает. Прятаться в глубине комнаты – глупо. Так можно пропустить момент опасности.

Да нет никакой опасности! О чем я вообще говорю? Я знаю Вячеслава много лет, доверяю ему, он не может меня подвести. Он обязательно придет, мы отправимся в банк, откроем сейф...

Боже мой! Кажется, я забыл свою половину шифра! Три, восемь... Пять! Нет, не забыл, показалось! Иногда на меня находит – цифры ускользают. Вот опять. Три... Восемь? Пять? Нет, не забыл! Помню. И никогда не забуду!

Но девушка на балконе все-таки тревожит. Розовый шелк она отложила в сторону, взяла желтый и опять на меня посмотрела. Или мне вновь показалось? Три, восемь, пять. Почему же он опаздывает, мой компаньон? Уже почти полтора часа прошло. Он всегда приходил вовремя!

Три, восемь, пять. Три, восемь... Три... Три дня назад был мой день рождения. Легкое сладкое вино оказалось от-

чего-то тягучим и крепким. Может, тогда он выведал у меня мою половину шифра? И теперь вообще не придет, откроет сейф один? Конечно! Но нет... Нет! Он бы не оставил меня в живых, если бы выведал.

Шляпа... Нет, не то! Три, восемь, пять. Запах гари становится все навязчивее, все невыносимее. И эта девушка. Ее балкон – отличный наблюдательный пункт. Она явно за мной следит. Я не знаю, что там у нее под куском желтого шелка. Может, мобильник, и она украдкой звонит и докладывает, когда я на нее не смотрю. Я не мог проговориться, даже в самом невменяемом состоянии. Значит, они... Значит, Вячеслав сегодня придет обязательно. Но не обязательно за тем, чтобы мы вместе пошли в банк, совсем не обязательно! Он придет затем...

Девушка смотрит на меня в упор, уже не стесняясь. Смотрит и улыбается. Не мне, своим мыслям: ей тоже перепадет что-то от моей смерти, ее шпионские услуги будут щедро оплачены.

Звонок. Громко и резко. Зачем же я так долго ждал? Зачем тратил бесценное время? Теперь не убежать – он стоит за дверью, мой компаньон, убийца. Теперь не спастись.

Рывком распахиваю раму окна. Девушка стоит, вцепившись руками в перила, и смотрит на меня, не отрываясь. Все равно! Перебираюсь с подоконника на карниз и прыгаю на землю. Резкая боль в левой ноге. Цифры в голове съеживаются от боли. Мне не убежать, не спастись. Три, пять... Во-

семь? Или девять? Не помню, забыл! Девушка сверху, с балкона...»

На этом мой роман обрывается. Сюжет застрял и не идет дальше. Я не знаю, что стало с моим героем. Почему опоздал его компаньон? Подготавливался к убийству? Или его задержала какая-нибудь вполне невинная причина: остановились часы, на дороге возникли пробки...

Нет, вряд ли. Его швейцарские часы не могли остановиться просто так, а пробок в городке, в котором они купили этот дом, никогда не бывает. Значит, все же убийство? Я могу об этом только гадать, вот уже полгода я вязну в этой оборванной строчке: «Девушка сверху, с балкона...» – и не могу двинуться дальше. Я злюсь на своих героев и ненавижу свой неоконченный роман.

Дело в том, что я никогда ничего не придумываю, как это делает нормальный писатель. Все мои герои – реальные люди, но которых я никогда не встречал. Все мои сюжеты – жизни этих реальных людей. Меня называют писателем-пророком, потому что сюжеты моих романов всегда происходят на самом деле, сбываются. Или при определенных обстоятельствах могли бы сбыться. Я вижу этих людей во сне, переживаю их жизни.

Но теперь сны изменились.

Вот уже полгода я брожу по коридору старой гостиницы, ищу свою комнату и не могу найти. Этот кошмар повторяет-

ся из ночи в ночь, совсем не меняясь. И герои мои, населяющие другие комнаты, совсем не меняются, застыли, стали статичными. Никакого развития!

Но есть и еще одна причина, почему мне не пишется. Алина. Прототип моей девушки-цветочницы. Материализация мысли. Та самая девушка из ночного кошмара, которую обвинили в убийстве.

Она приходит каждый день к моему дому, стоит под окном и чего-то ждет. Алина, чужая. Откуда я знаю ее имя? Просто знаю. Как всегда знал имена и судьбы своих персонажей – настоящих людей, с которыми никогда не был знаком. Но ведь раньше я их не встречал в реальной жизни. А эта девушка...

Иногда мне кажется, что ее тоже нет, и это особенно мучительно. Но я ни разу не спустился вниз, не подошел к ней, чтобы проверить. Хотя, казалось бы, что может быть проще? Не знаю, что меня останавливает. Возможно, я просто боюсь, что Алина действительно всего лишь плод моего воображения. Но, как бы то ни было, после часа бесплодных попыток работы над моим застопорившимся романом я неизменно подхожу к окну. Я жду, когда можно будет подойти, только делаю вид, что работаю, а сам... Поэтому-то, наверное, и не могу сосредоточиться, поэтому-то и не могу сдвинуться с мертвой точки.

Я ее ненавижу, эту девушку, стоящую под моим окном! Но даже не представляю, что буду делать, если однажды ее

не окажется.

Ну, вот, час прошел. Можно уже подойти.

А вдруг сегодня что-то изменится? Вдруг ее там не будет?

Задержав дыхание, ужасно волнуясь, я подхожу к окну. С облегчением и разочарованием выдыхаю – стоит и смотрит. Ничего не изменилось. Что ей от меня нужно? Чего она хочет?

Стоит и смотрит. Видит она меня или нет? Взгляд отрешенный, но в то же время невыносимо пристальный. Хочет сказать, что я ошибся, сделав ее прототипом цветочницы? Ей предназначена совсем другая роль, и потому Алина мешает дописать роман?

А вот нет же! Допишу! Ей назло! И не буду ничего менять.

Я отошел от окна, грубо прервав сеанс гипнотических взглядов, сел за компьютер, взялся перечитывать неоконченную главу с твердым намерением продолжить работу во что бы то ни стало. Но как только дошел до слов: «Звонок. Громко и резко», – как действительно услышал звонок в дверь. И обрадовался: ну вот, наконец-то! Все возвращается, действие обрело звуки – мой герой и я слились воедино. И стал читать дальше, предвкушая работу, но звонок не умолкал, хотя герой мой уже спрыгнул с балкона на улицу и, по идее, никаких звонков больше слышать не мог. И тогда я понял, что звонят в мою дверь. Это ко мне, а не к нему пришли. И, конечно, это она пришла, девушка Алина. Обиделась, что я не досмотрел представление, и решила нанести новый удар:

явиться с визитом. Ну, что ж, когда-нибудь это должно было произойти – разговор с фантомом рано или поздно должен был состояться. В сущности, ничего страшного, случаются вещи и похуже.

Я не боялся, когда шел открывать, честное слово. Я даже почти не волновался, проигрывая в голове сцену нашей встречи. И руки мои почти не дрожали и довольно быстро справились с замком. Я был готов ко всему, но меня все же перехитрили. На пороге стоял молодой человек. Абсолютно незнакомый. Такого обмана я не ожидал. Потому что этот молодой человек ни в один мой сюжет, ни в прошлый, ни в настоящий, не вписывался. Назвавшись курьером, он протянул маленький яркий сверток.

– Вы – Иван Молчанов? – запоздало спросил он – сверток был уже у меня в руках.

– Да, – неуверенно сказал я, словно сомневаясь в своем имени.

– Подарок от вашего поклонника! – проговорил он, как мне показалось, насмешливо, дал расписаться в квитанции и исчез.

Сверток, яркий, как куски шелка моей цветочницы на балконе, обжигал руки. Я явственно ощущал, как ладони покрываются волдырями. Отшвырнуть этот дьявольский подарок и уйти в комнату, сбежать, сесть за компьютер и попытаться продолжить работу... Все очень просто. От него так легко избавиться обычными, реальными действиями. Когда

я вернусь, сверток исчезнет. Потому что, конечно же, никакого курьера не было. Все очень просто...

Но я не ушел в комнату – любопытство пересилило. Осторожно, чтобы не измять, открепил бант, аккуратно, чтобы не порвать бумагу, отлепил скотч. Под оберткой оказалась оклеенная черным бархатом коробочка, нечто вроде футляра для ювелирных изделий. Странно! Я открыл коробочку – на красной шелковой подкладке лежала какая-то карточка. Подарочный сертификат, вот что это такое. Сертификат на приобретение товаров в магазине итальянской одежды «Si o no»¹.

Но что это может означать? Мне назначили встречу? Или это обыкновенный подарок?

Узнать я смогу, только если посетую магазин. Все действительно очень просто. Вот только одна загвоздка: этот магазин – итальянский.

* * *

С Италией меня связывали давние, необычные, почти интимные отношения. Это было похоже на постыдную любовную связь, которую хочешь забыть, изжить навсегда.

Забыть и изжить я пытался. На протяжении своей жизни

¹ Да или нет (*um.*).

несколько раз. Но она, как отвергнутая навязчивая любовница, снова и снова возвращалась. И был момент, когда я махнул рукой, решив, что, значит, предназначена она мне судьбой. Но она слишком быстро и беспардонно расположилась в моей жизни, заняла ее целиком, повсюду разбросала свои вещи.

Это было давно, лет восемь назад. Произошло случайно: я шел по улице и уперся взглядом в рекламный щит: «Итальянский язык за три месяца. Новейшая совершенная методика обучения». На курсы я поступил в тот же день, а через три месяца... Как и было обещано, итальянским я овладел, методика действительно оказалась совершенной. Или сказала та самая странная связь с этой страной? Не знаю. Во всяком случае, теперь я мог бы с легкостью объясниться с любым итальянцем в любой ситуации. Да что там! Я несколько раз ловил себя на том, что думаю по-итальянски и даже двигаюсь по-итальянски, жесты у меня стали итальянскими. И внешность моя изменилась. Я купил себе черную широкополую шляпу... И пристрастился к «Барбареско»². Тогда-то я и начал писать свой первый роман – по-итальянски начал, совершенно неосознанно. И испугался, поскорей закрыл итальянскую тему. Не знаю, чего, собственно, я так испугался. Впрочем, мне ведь все время было как-то не по себе, все три месяца посещения курсов и потом, когда я вживался в этот итальянский образ. Начало романа я переписал по-русски и

² Итальянское красное сухое вино.

больше никогда не возвращался к итальянскому. Не знаю, помню ли хоть слово. Не хочу проверять.

Долгое время Италия никак о себе не напоминала, и вот, кажется, опять началось. Магазин итальянской одежды...

Я вернулся в комнату, подошел к окну. Девушка Алина шла по дорожке, уходила прочь от моего дома все дальше и дальше. Мне стало грустно, захотелось ее догнать. Я представил, как иду за ней следом, и вдруг совершенно отчетливо увидел, что так уже было когда-то. Она шла впереди, я – за ней. За ней, но все же впереди нее. И числа из ночного кошмара тяжело заворочались у меня в голове. А в следующий момент я понял: и числа, и эта девушка связаны с Италией.

Идти ли в этот магазин или не стоит? Мне и выбрать там нечего. Костюм? Галстук? Пальто? Я не ношу такой тип одежды, а широкополая черная шляпа у меня уже есть. Да разве дело в этом? Разве в магазин мне нужно пойти, чтобы там что-то купить?

Я отошел от окна, проводив Алину взглядом. Открыл ноутбук. На странице недописанного романа оставил записку: Ушел в «Si o no». Не знаю для кого, живу я один, – и стал собираться.

* * *

На улице шел дождь, а когда я смотрел из окна, небо казалось безоблачным. Дворовая дорожка опустела: девушки

там больше не было. Я сразу же промок насквозь, потому что не захватил зонтик. Брел, втянув голову в плечи, мерз и отчего-то жутко тосковал. Мне хотелось плакать, мне хотелось умереть, а вернее, просто перестать жить, перестать двигаться, перестать мерзнуть. Я не знал, где находится этот итальянский магазин «Si o no». В сертификате был указан адрес, но название улицы мне ни о чем не говорило.

Так я и шел наугад, растерянный и подавленный, представляя, что нахожусь вовсе не на улице, а в темном, душном, бесконечном коридоре, из которого вряд ли удастся выбраться. Числа, как черные мушки, плясали перед глазами, предвещая несчастья. Я встряхнулся, прогоняя наваждение, и тут увидел, что навстречу мне идет человек, которого я хорошо знаю. А в следующий момент понял, что одно наваждение сменилось другим: этот человек – мужчина из голубовато-серого сумрака, обитатель гостиницы моих ночных кошмаров.

– Здравствуйте! – радостно проговорил он и рассмеялся счастливым смехом. – Вы ведь Иван Молчанов?

– Да, – ответил я и вздохнул с облегчением: от этого персонажа не исходило никакой опасности, наоборот, он просто лучился доброжелательностью. И мне вдруг представилось, что он мой спаситель. Я протянул ему руку, чтобы он меня отсюда вывел. Но он мою руку просто пожал и отпустил – она, обманутая, рухнула вниз.

– Вы не представляете, как долго я вас искал! – снова

счастливо рассмеявшись, сообщил мой самый удачный персонаж. – Даже обращался в детективное агентство, все без толку. А тут вдруг встретил на улице. Это такая удача! Я – Артур Климов. Вы меня, конечно, не знаете, но я...

– Знаю, – уверенно сказал я. Как только он назвал свое имя, все окончательно встало на свои места. Я стал к нему испытывать прямо-таки родственные чувства и понял, что сюжет сдвинулся с мертвой точки. Знаю ли я его? О, конечно, знаю! Мне хорошо знакома его улыбка, его счастливый смех. Я знал его в самый счастливый момент его жизни. И знал за несколько часов до самоубийства.

– Какой же я дурак! – Артур хлопнул себя по макушке и рассмеялся над своим жестом. – Конечно, вы меня знаете! По-другому и быть не могло. Ведь это вы меня спасли, когда я хотел застрелиться. Я был в полном отчаянии, представляете? Ну, разумеется, представляете. – Он обнял меня за плечи и ласково сжал. – Я так счастлив. И очень хотел бы вас как-нибудь отблагодарить. Хотя за спасенную жизнь отблагодарить трудно.

– Магазин «Si o no», – сказал я первое, что пришло мне в голову, – вы можете помочь добраться мне до «Si o no»?

Артур на секунду задумался.

– Итальянская одежда? – обрадовался он, сообразив, о чем идет речь. – Знаю, знаю. Недавно купил там себе костюм. Незадолго до того, как... все проиграть. Ну, да... В общем, если бы не вы, моим родственникам пришлось бы покупать

похоронный наряд, в этом костюме меня бы и похоронили. Пойдемте, у меня тут машина. Кстати, помогу выбрать, я в этом неплохо разбираюсь. А потом поедem в ресторан, отпразднуем мое воскресение и нашу счастливую встречу.

– Да, это было бы прекрасно! – Я опять протянул ему руку, а он опять просто пожал ее, не желая замечать моей беспомощности – пожал и отпустил.

Теперь не только моя рука рухнула вниз, я сам еле устоял на ногах. Но Артур ничего не заметил, пошел вперед – я полпелся за ним: поводырь и слепой.

В салоне машины было тепло и уютно. С моих волос капала вода, испаряясь, стекла запотели от влаги, и улиц, по которым мы проезжали, не было видно. Но это меня совсем не тревожило. Я откинулся на спинку сиденья, машина плавно покачивалась, убаюкивая и успокаивая: все плохое, все страшное закончилось. Мне захотелось, чтобы эта поездка продолжалась вечно, но мы вдруг приехали. Артур распахнул дверцу в холод и дождь и с улыбкой выдворил меня из этого надежного, утробного тепла.

– Магазин «Si o no»! – радостно и торжественно провозгласил он, словно исполнил самое сокровенное желание. Пришлось выходить.

Крыльцо было мокрым и скользким, двери стеклянные. При моей неустойчивости все это грозило опасностью, но тут Артур все-таки взял меня под руку, наконец что-то заметив. Мы успешно преодолели ступеньки, вошли в магазин. Все

сияло и невыносимо слепило глаза, вызывало головокружение, но мой проводник справился и со мной, и с собой. Он провел меня в отдел костюмов, и сразу же стало легче: ряды темной материи приглушали зеркальное сияние. Подошла продавщица, предложила помочь. Артур завел с ней деловой разговор, смысл которого мне остался неясен. Потом она довольно бесцеремонно обмерила меня сантиметром, предложила на выбор несколько, на мой взгляд, абсолютно одинаковых костюмов и подтолкнула к примерочной.

Здесь тоже было зеркало – огромное, во всю стену. Я, с ворохом костюмов в руках, выглядел довольно жалким: волосы все еще мокрые, взгляд затравленный, кожа какого-то землистого цвета, как у больного. Раздеваться не хотелось, мне и так было холодно, но Артур и продавщица ждали снаружи моего перевоплощения. Я стащил с себя свитер, разулся, потоптался на коврик и с сожалением стянул брюки. Теперь выбора не оставалось, в итальянский наряд облачиться придется, не стоять же вечно полуголым в этой примерочной. Все делалось помимо моей воли, сюжет моего романа больше был мне не подвластен. А, впрочем, ни один сюжет мне и не был подвластен. Да и вся моя жизнь строилась помимо воли, начиная с тех фотографий в детстве...

Я тряхнул головой, прогоняя ненужные сейчас воспоминания. Встал перед зеркалом – оказалось, что забыл обуться. Нагнулся, натянул ботинки и снова отразился во весь рост. Из-за занавески примерочной слышались голоса и смех: Ар-

тур и продавщица оживленно болтали – кажется, он решил с ней пофлиртовать. Ну что ж, ну что ж. Зеркало качнулось – смех и голоса набежали волной и отступили, зазвучали приглушеннее, будто нас отделила стена, а не простая занавеска. Зеркало затуманилось и снова прояснилось, но изображение стало каким-то искаженным. Зато голоса опять зазвучали отчетливо.

– Букет цветов?..

– Нет, лучше купите шампанского.

И звонкий, радостный смех, и снова голос Артура:

– Benissimo!³

Зеркало потемнело, я больше в нем не отражался. Зеркало превратилось в черную бездну. Я судорожно пытался зацепиться за ускользящий голос Артура. Но бездна поглотила меня, бездна сомкнулась.

³ Превосходно! (*ит.*)

Глава 2

Он отступил один только раз, но наказание было жестоким. Потому что отступничество – все равно что предательство. Предательства не прощают, предательство карается высшей мерой. К этой высшей мере он и приговорен. Еще несколько дней назад невозможно было представить, что он, Артур Климов, абсолютный счастливчик, этой ночью захочет застрелиться.

Рулетка снова и снова начинает движение, круги наслаиваются один на другой, слой за слоем. Он всегда выигрывал, всегда, за восемь лет ни одного, даже случайного, незначительного проигрыша. Счастливая комбинация чисел возникла сама собой, стоило только прикрыть глаза и мысленно перенестись в этот город, в котором он никогда не был. Узкие, почти игрушечные улочки вплетались в круги рулетки и вытекали комбинацией выигрыша.

Но однажды он отступил, сбежал с кукольных улочек, бросил вызов и этому незнакомо-знакомому городу, и своему абсолютному знанию числа удачи. Он захотел сам, без постороннего участия выиграть. Один только раз, чтобы доказать... А потом снова вернуться. Но вернуться не получилось. Вернуться никогда уже не получится. Потому что отступничество – все равно что предательство. Этот город исчез для него навсегда.

Круги расслаиваются, рулетка завершает движение. Проигрыш! Снова и снова. Игра продолжалась третьи сутки, без перерыва, без сна. Рулетка, круги... Не перейти ли за карточный стол?

И здесь неудача. Палач точит топор – он, Артур Климов, сжимает в кармане пистолет. Маленькая стопка фишек – последних, больше купить он не может – тает. Он перебирает их пальцами, пытаясь на ощупь определить счастливую, ту, что вернет ему жизнь, ту, что остановит палача. Ведь бывает же так, что в последний момент смертную казнь заменяют другим наказанием, время от времени подобные чудеса случаются.

Проигрыш. Остается последняя фишка. Она лежит во внутреннем кармане пиджака, но трогать ее нельзя, эта фишка – талисман. Эта фишка – его первая фишка, купленная восемь лет назад. С этой фишки начался его счастливый путь. Он сделал на ней метку, прежде чем впервые поставить... И с тех пор всегда носил с собой на игру. Взял и сейчас, когда решился на этот злосчастный вызов. Но, может, она-то и вернет удачу? Нельзя на заклятие отдавать талисман, и все же...

Нужно вернуться к рулетке и бросить последний вызов. Не вызов, какой уж тут вызов, жалкий шепот, мольба труса, на которого наставлен пистолет. Красные тяжелые портьеры, красновато-коричневые с позолотой стены – любимое его казино «Золотой лев», именно здесь он впервые выиг-

рал, именно здесь началось его счастливое путешествие по волшебному городу. В этом казино постоянное время года – мягкая, радостная, солнечная южная осень, запах разноцветных листьев и спелого винограда, запах праздника. Узкие улочки... Зачем он сошел с этих улочек?

Рулетка, словно огромная воронка, поглощает, проглатывает все, что попадает к ней на пути. Портьеры с тяжелым всхлипом исчезают в ее утробе, и солнце, и листья, и улицы закручиваются на спираль. Неразменная монета, талисман, счастливая фишка перемальвается этой дьявольской зубастой пастью. Все кончено.

Его оттаскивают от стола, довольно грубо – какая уж тут вежливость, когда ты стопроцентный банкрот! Ноги автоматически идут в бар. Здесь еще не знают, что он, Артур Климов, самый удачливый за всю историю существования казино игрок, стал абсолютным неудачником. Бармен еще заискивающе заглядывает ему в глаза, с приторной улыбкой подает тот особенный, жутко дорогой коньяк, который подавал все восемь лет его беспроигрышных посещений. И ждет тех особенных чаевых, которые Артур давал ему все эти годы – вместо денег игральную фишку, потому что бармен и сам заядлый игрок. Но сегодня он ничего не дожидается!

Коньяк согревает. Коньяк отодвигает развязку. Бармен сочувственно кивает – догадался наконец, что произошло: игрок понимает игрока без слов, – но не верит, не верит. Мается рядом, не отходит, хочет что-то сказать – наверное, уте-

шить, и не решается. В бар заходит новый посетитель, незнакомый, явный новичок, неуверенный в себе. Бармен неохотно переключается на него, тяжело вздыхает: что поделаешь, служба.

Коньяк... Зачем он соскользнул с этих улочек, зачем, зачем? Да, это тоже была игра: он бросил вызов, поставил на кон – игра вроде русской рулетки. Потому что пресытился, потому что обычная рулетка больше не давала того ощущения, больше не будоражила его: если всегда следует выигрыш, ты уже не игрок. Ну, что ж, теперь он проиграл. Все проиграл, жизнь проиграл. А выигрыша никогда больше не будет.

– Извините, пожалуйста.

Бармен! Артур о нем уже успел забыть. Что ему нужно?

– Не в обиду вам, а от всего сердца, я хотел бы предложить... немного денег. Взаимы. Вы отыграетесь, я в этом уверен.

– Денег? – Артур даже не сразу понял, о чем он. – Денег? Ах, да! Нет, спасибо, не нужно.

Никакие деньги ему уже не помогут. Он-то знает. Его безусловная удачливость не была случайностью. Просто он когда-то, сам не зная о том, заключил сделку. А теперь контракт расторгнут. Деньги... Нет, не помогут ему никакие деньги, что тут себя обманывать? Хотя предложение заманчивое.

А если он ошибается? Если все-таки еще раз попробо-

вать? Занять у бармена, он ведь действительно от души предлагает, и попытаться снова? Может, это только черная полоса, которая рано или поздно у любого игрока наступает, и не было никакой сделки с мистическим городом? Занять и вернуться в зал?.. Хотя бы снова ощутить напоследок... А может, и не напоследок, может, удастся отыгаться? Конечно, удастся. Вдохнуть этот запах: солнечной осени, узких, игрушечных улочек...

Ничего не получится! Бессмысленно. Допить коньяк и уйти, не становиться посмертным должником у этого симпатичного человека. Снять номер в какой-нибудь гостинице и исполнить то, что еще в состоянии сам исполнить. Дома это сделать было бы проще, но дома у него больше нет, проиграл он свой дом. Как и все проиграл. Допить коньяк, согреться напоследок...

Коньяк больше не согревает, но все равно. Рюмка опустела. Не заказать ли еще? Торопиться в любом случае некуда.

– Еще коньячку?

Снова бармен. Как он сегодня услужлив! Впрочем, он всегда был таким, только раньше его услужливость не замечалась: счастливые люди вообще мало что способны замечать вокруг себя.

– Да, пожалуйста.

Торопиться на эшафот было бы просто глупо. У коньяка послевкусие отчаянья, но все равно, все равно. И у бармена вид совсем несчастный, так он испереживался за чужую

погубленную жизнь, а посетители бара, наоборот, как будто злорадствуют. Но лучше уж здесь, чем в одиночестве гостиничного номера, лучше этот коньяк со вкусом безысходности, чем стакан тепловатой затхлой воды из графина, чтобы привести себя в чувство перед окончательным прощанием. Занять бы чем-то глаза, руки, мысли.

На противоположном конце барной стойки забытый кем-то журнал. Потрепанный, старый, обложка наполовину оторвана, страницы по-желтели.

Артур сполз с высокого стула, взял журнал и вернулся на свое место.

* * *

«Абсолютный выигрыш». Так назывался этот рассказ. Артур наткнулся на него сразу, наугад раскрыв журнал. И не поверил, отнес совпадение к ошибке восприятия, к изъяну воображения, которое решило сыграть напоследок с ним злую шутку. Ведь так не бывает!

Но рассказ действительно назывался «Абсолютный выигрыш», и рассказ был о нем, об Артуре Климове, о счастливом игроке, который однажды бросил вызов своей удаче и стал предателем. Предал узкие, игрушечные улочки, которые столько лет неизменно выводили его к счастливой комбинации, предал незнакомо-знакомый город, предал поводья своей судьбы. И удача от него отвернулась. Он проиг-

рал. Трое суток, без перерыва, без сна длился этот ужасный проигрыш, пока не осталось у него ничего, кроме последней фишки, его талисмана.

Этот рассказ в старом журнале до детали, до мельчайшего нюанса воспроизводил его жизнь, а главное, сегодняшний день. Артур никогда и никому не рассказывал о своем талисмани. И о городе тоже, и об этих призрачно осязаемых улочках. Как же автор рассказа узнал? Кто он такой, этот автор?

Артур перевернул несколько страниц назад, вернулся к началу. «Абсолютный выигрыш». Автор Иван Молчанов. И фотография: хмурый тип примерно его возраста, немного за тридцать, с жуткой шевелюрой, словно год не был в парикмахерской, а так ничего особенного. Ни на демона, ни на пророка не похож этот Иван Молчанов. Но что-то знакомое в лице, да и в сочетании имени-фамилии тоже. Может, он его раньше знал, и этим все объясняется?

Не знал. Если и видел когда-то, то мельком: ехали вместе в электричке или стояли в очереди – что-нибудь в этом роде. И имя вполне заурядное – Иванов Молчановых в России тьма-тьмушая. И уж точно никаким случайным, мимолетным знакомством не объяснишь то, что Иван Молчанов о нем так много знает. Но главное даже не это. Журнал старый, трехлетней давности. Получается, Молчанов три года назад уже знал о том, что Артур вот сейчас проиграет? Именно так проиграет? И этот журнал, как он здесь оказался? Кто его принес и зачем?

Затем, чтобы он, Артур Климов, прочитал рассказ. Рассказ о себе. Чтобы он понял... Что понял?

Надо дочитать до конца. Вероятнее всего, это какой-то розыгрыш, злая шутка, но дочитать нужно, доучаствовать в этой шутке.

Артур вернулся к прерванному повествованию, не веря, смеясь над собой, жадно вчитываясь в каждую строчку.

После окончательного проигрыша игрок направился в бар. Бармен подал ему коньяк, тот самый, особенный, который подавал на протяжении восьми беспроигрышных лет, и замер в ожидании тех самых, особенных чаевых, их маленького секрета – игральной фишки. Бармен тоже был игрок. Коньяк согревал, а пистолет в кармане охлаждал пальцы. Все было решено: снять номер в гостинице, дожить до утра, а там...

Нет, нет, это невозможно! Наверное, он не только жизнь, но и разум проиграл, и теперь сошел с ума, и все ему просто чудится. Но что же дальше-то, дальше? Каким было утро игрока в рассказе? Каким будет его собственное завтрашнее утро?

Артур, не выдержав, перелистнул несколько страниц, прочитал последний абзац, но, вероятно, от волнения ничего не понял. Рассказ почему-то заканчивался странной фразой: «И это было только начало...». Начало чего? И к чему многозначие? Нет, так ничего не понять, нужно читать по порядку.

Дожить до утра... Пистолет холодит... Бармен предлагает взаймы денег, но игрок отказывается, потому что деньги ему не помогут, но тут на глаза попадается журнал, старый, потрепанный, он лежит на противоположном конце стойки, кем-то за-бытый.

Нарочно оставленный, теперь это ясно.

Игрок открывает журнал и натывается на рассказ о самом себе. Думает, что сошел с ума, что все это ему только кажется. Не верит и все же нетерпеливо перелистывает рассказ, устремляясь к концу: каким будет его завтрашнее утро? И не находит ответа – смысл написанного для него совершенно неясен. Нужно читать по порядку...

Ну, конечно, по порядку! Потому что разгадка вовсе не в конце, свет удачи зажегся вот здесь, в середине, когда игрок случайно услышал мимоходом сказанную фразу. Именно эту: «Свет удачи». Так называется казино, в котором он непременно отыграется.

«Свет удачи». Но такого казино нет. «Свет удачи». Да ведь он сам только что слышал, как кто-то произнес эту фразу. Или ему показалось? Нужно спросить у бармена. Он и в рассказе играет не последнюю роль.

Артур кивнул бармену. Тот с готовностью подошел.

– Решили все-таки взять денег? – Бармен ему тепло улыбнулся. – Берите. Я верю, вы должны отыграться. Вы не можете проиграть.

– Да, да, спасибо большое. Я возьму. Только скажите, не

знаете ли, где находится казино «Свет удачи»?

– «Свет удачи»? – Бармен задумался. – Такого казино нет в нашем городе.

К стойке подошел посетитель.

– Недавно открылось. Это за городом. Я сам только что оттуда. Очень приличное заведение, крупная игра, но мне не повезло... «Три костела», – заказал посетитель, взял свой джин и отошел от стойки.

Значит, правда? Но все равно поверить невозможно. А как там игрок?

Артур вернулся к рассказу. У игрока все сложилось просто фантастически. Он все отыграл. Он выиграл жизнь. Он снова вернулся в свой сказочный город. Улочки встретили его приветливо, ему все простили, улочки привели к счастливой комбинации. И была самая счастливая в его жизни ночь, и было безмятежное утро – он спал крепким сладким сном, а когда проснулся, понял, что главная партия у него впереди, что это было только начало...

Невозможно поверить!

– Вот, возьмите. – Артур поднял голову. Над ним возвышался бармен, он вышел из-за стойки, там, на своем привычном месте, бармен не казался таким огромным. В руке у него была пачка купюр. – Здесь немного, всего тысяча евро – несколько моих выигрышей, я ведь не играю по-крупному. Но думаю, для старта вам хватит. Увидимся завтра вечером.

Невозможно поверить! Но сыграть в новую игру: ставка

на пророчество – очень заманчиво. Он отправится в казино «Свет удачи» прямо сейчас, только узнает адрес. Где он, тот человек? Да вот же, за столиком в углу, потягивает свой джин.

– Значит, до завтра? – Артур протянул руку бармену.

– До завтра. – Бармен крепко пожал протянутую руку. – Ставлю еще тыщу евро, что завтра мы снова увидимся.

– Почему вы так уверены в моем выигрыше? Почему даже не сомневаетесь, что для меня наступит это счастливое «завтра»? – Артур криво улыбнулся.

– Почему? – бармен пожал плечами. – Вы для меня что-то вроде счастливой приметы. Каждый раз, как вы появляетесь в нашем казино, я всегда выигрываю. С нетерпением жду окончания своей смены, захожу в зал, делаю ставку – и выигрываю. Эту удачу мне приносите вы. Вы – сама удача. Вы не можете проиграть.

– Почему же не могу? Я уже проиграл сегодня.

– Это неважно. – Бармен махнул рукой.

– Удача уходит и приходит.

– Только не у вас. Завтра вечером вы вернете мне долг, – убежденно проговорил бармен. – И все у нас будет, как прежде.

Артур кивком попрощался и пошел к столику проигравшегося в «Свете удачи» посетителя – его смутила такая слепая вера бармена в его везение. Словно тот прикоснулся к его сокровенной тайне, которую знать посторонним нельзя.

– Простите, – проговорил он, присаживаясь за столик несчастного игрока. Тот отставил недопитый джин и растерянно на него посмотрел. Артуру представилось, что этот человек, точно так же, как он несколько минут назад, сжимает в кармане пистолет. – Вы говорили о новом казино, «Свет удачи», кажется. Не могли бы вы дать мне адрес?

– Адрес? – мужчина усмехнулся. – Хотите испытать свою удачу там, раз уж здесь она вам не выпала? Что ж, извольте. – Он продиктовал адрес, залпом допил свой джин и шаткой походкой обреченного вышел из бара. Артур бросился за ним, но человек исчез, словно и не было его вовсе.

А может, и в самом деле не было? И не было журнала с рассказом, и нет никакого писателя Ивана Молчанова? И не существует казино «Свет удачи»? И его, Артура Климова, тоже больше не существует? Проиграв, он пустил себе пулю в лоб, и все происходящее лишь его посмертные видения?

Он огляделся. Улица залита огнями, люди, машины, троллейбус проехал – он не один в этом туннеле смерти. Поднял руку, остановил захудалый, разбитый «Жигуленок», забрался в салон, назвал адрес. В салоне нестерпимо пахло бензином.

– Казино «Свет удачи»? – уточнил водитель, поворачиваясь к нему – Артура обдало запахом чеснока. Нет, он не умер, все происходит по-настоящему. В загробном мире не может быть таких неприятных, таких реальных деталей. Успокоившись, Артур откинулся на спинку жесткого сиде-

ня, закрыл глаза.

Машину тряхнуло на ухабе. Артур проснулся и удивился, как ему удалось уснуть – все нервы были на пределе.

– Приехали, – сказал водитель, снова дыхнув чесноком.

Артур расплатился и вышел из машины. Вспыхнула яркая неоновая вывеска «Казино «Свет удачи», словно только и ждала его появления. Вздохнув, он открыл дверь, вошел. Что его здесь ожидает?

В «Свете удачи» было три игорных зала, все оформлены в готическом стиле, а так ничего особенного. Казино как казино. В сущности, все казино похожи, и это от других, в которых ему приходилось бывать, ничем не отличалось. Это несколько разочаровало: может ли в таком самом заурядном заведении исполниться столь необычное предсказание? Он переходил из зала в зал, не зная, на каком остановить свой выбор, где начать игру. Слишком важна была для него первая партия – если он ее проиграет, если улочки его волшебного города не вернутся, значит, все будет потеряно. И теперь уж точно навсегда.

Он остановился у одного из столов в центре второго зала, прикрыл глаза, пошатнулся – от волнения закружилась голова, – невольным движением, чтобы не упасть, вытянул руки в стороны и уперся ладонями в стены. Улыбка пробежала по его губам. Еще не смея поверить в свою удачу, он осторожно шагнул вперед. Узкая улочка, на которой он вдруг оказался – опять оказался! – перетекла в другую, та – в третью. Он

шел, ни о чем больше не думая, просто радуясь, что вернулся в свой волшебный город.

* * *

Узкие улочки привели на ярко освещенную площадь. Здесь было много людей, нарядных, праздничных. Наверное, в городе происходило какое-то особенное торжество, такое, какое бывает раз в год, не чаще, событие, на которое собираются все жители. Смех и восторженные возгласы эхом разносились по площади, сейчас заиграет оркестр, и начнется главное представление праздника. Сейчас, сейчас... Артур замер, ожидая. Толпа замерла. Но музыка не зазвучала, зато в центре площади появилось нечто, чего он не мог рассмотреть, не мог осмыслить, а люди бросились вперед и обступили это нечто. Он тоже бросился, но было уже поздно: толпа стояла единым монолитом и не пускала его. Что там, в центре? Необходимо понять, необходимо пробиться и увидеть. Сегодня, сейчас, немедленно. Иначе он опоздает навсегда.

В толпе кто-то отчаянно закричал. Ему ответил безумным хохотом другой, невидимый Артуру кто-то. По толпе волной прокатился вздох то ли горести, то ли облегчения. Хохочущий, все так же хохоча, выбрался наружу. Артур подскочил к нему.

– Что там? Что?

Но его не услышали. Прошло немного времени, и из круга

выбрался следующий с лицом равнодушно-безжизненным. Артур попытался его остановить, но он даже не заметил, прошел мимо. Надо самому пробираться к центру круга. Невозможная, может быть, невыполнимая задача, но другого выхода нет.

Тяжело дыша, изо всех сил работая локтями и ногами, Артур медленно продвигался вперед. И вот наконец он у цели. Здесь свет был гораздо ярче, словно над центром площади повесили мощнейший прожектор. Свет просто ослеплял. Глазам было больно, а лицу нестерпимо горячо. И дышать почти невозможно. Наверное, поэтому он не сразу смог рассмотреть идола в зеленом суконном фраке, и огромный игорный стол, и исполинскую рулетку. Не идол, а обыкновенный крупье. Впрочем, не обыкновенный. Он сурово, без тени профессиональной приветливости посмотрел на Артура и не предложил, а потребовал сделать ставку. Улицы, по которым он пришел сюда, завертелись волчком, улицы завертелись и выплюнули комбинацию. Красное, черное, цифры и числа... Выигрыш.

Яркая вспышка света. Казалось, что при такой невыносимой, предельной яркости никакая вспышка невозможна. Но снова вспышка. И вот уже кроме света ничего не осталось, все растворилось в нем: и люди, и площадь, и время.

Снова выигрыш. Свет и удача. И числа, и вдруг он, сам не зная почему, передвинул фишки на белое. Улочки одобрительно закружились, улочки обласкали его невыразимо дол-

гожданным: ты снова наш.

Выигрыш, свет. Выигрыш, выигрыш. Свет в некоем пространстве вне пространства, и время вне времени. И взмокла спина от пота, и на сукно упали капли с лица. И кто-то опять безумно захохотал, и кто-то где-то безутешно плакал.

Выигрыш. Ночь никогда не кончится, потому что и она растворилась. Ночь, свет и беспредельность. Беспредельность удачи.

Свет...

Свет неожиданно кончился, Артур шагнул в темноту, но не сразу смог сообразить, где он и почему игра окончилась. Да просто казино закрылось, он слишком много выиграл, он обчистил это заведение дотла. На улице он никак не мог сориентироваться, в какую сторону ему двигаться. И не мог вспомнить, что же случилось, только знал, что случилось счастье. Мост. Нет, не в ту сторону повернул, надо вернуться назад.

Вот там огонек, а там еще один, и еще. На огоньки и нужно идти. Огоньки – это свет, а свет – это удача. Свет удачи пролился сегодня. Рулетка кружилась, кружилась, приглашая на танец сплетение улиц. Рулетку он приручил. И выиграл что-то очень важное.

Огоньки оказались сигнальными лампочками такси. Он вышел на верную дорогу, теперь все будет хорошо. Один из таксистов в ожидании клиента курил трубку, Артур выбрал его.

– Привет, командир! – поздоровался он, забираясь в машину. – В город.

Ночь, оказывается, все еще длилась. Что он собирался сделать сегодняшней ночью? Снять номер в гостинице, а затем... Пистолет холодил пальцы там, в баре. Бармену повезло, он выиграл свою тысячу и не лишился той, что дал ему займы в качестве старта. Нет, это ему, Артуру, повезло. Снять номер в гостинице придется, а пистолет больше не нужен.

– Командир, – весело обратился он к водителю, – у вас отличная трубка. А у меня есть одна забавная игрушка. Вот, не взглянете ли? – Артур вытащил из кармана пистолет и протянул водителю. Тот мельком взглянул и снова уставился на дорогу.

– Что вы собираетесь с этим делать? – спросил, притворяясь спокойным, ничуть не напуганным, равнодушным.

– Хочу обменять его на вашу трубку.

– Ах, вот оно что! – с облегчением выдохнул водитель, но тут же опять принял равнодушный вид, притворяясь, будто вовсе не испугался безумного от счастья пассажира с его пистолетом. – Вам это невыгодно, обмен неравноценный, но я согласен. – Притворно неторопливым движением водитель вынул изо рта трубку, взял пистолет, сунул в бардачок, не переставая следить за дорогой.

– Спасибо.

– Спасибо вам, всегда мечтал о пистолете. Приходится,

знаете ли, ездить по ночам, народ попадает всякий. Ночью на дороге безоружный, что голый.

– Вот и вооружились. – Артур расхохотался.

– Вот и вооружился, – согласился водитель. – Еще раз спасибо.

Машина въехала в город. За окном замелькали улицы, широкие, обычные улицы его города, того, в котором Артур прожил всю жизнь и где сегодня не предстоит ему умереть. Да, да, он наконец понял, теперь понял, **что** сегодня выиграл. **Что** отыграл.

Казино «Свет удачи», наверное, разорилось. Он его разорил. Но что поделаешь? Выигрывает всегда кто-то за счет кого-то.

– Ну, куда дальше? – снова заговорил водитель.

Дальше? Снять номер в гостинице, потому что дом свой он проиграл. Ничего, теперь можно будет купить новый. Или выкупить прежний. Потом он посмотрит, как лучше.

– В гостиницу.

– В какую именно?

– «Старый город». – Название всплыло само собой, и сразу же представилось старое обветшалое, мрачноватое здание. Артур никогда не был ни в одной гостинице этого города. Зачем? Ведь у него имелось собственное жилье, роскошное жилье... Но мимо этого самого «Старого города» он часто проезжал. Мрачное здание гостиницы пугало и одновременно завораживало.

– «Старый город» так «Старый город», – неохотно согласился с его выбором водитель. – Вообще-то это не самое лучшее место. Разные слухи ходят об этой гостинице... Но как хотите.

Они подъехали к гостинице минут через пять. Вывеска не горела, и светилось только несколько окон. Ночь, конечно, но, скорее всего, дело не в этом. Мало кому захочется здесь останавливаться.

Артур расплатился с водителем и вышел из машины. Но тот не уехал, остался чего-то ждать. Массивная дубовая дверь оказалась настолько тяжелой, что открыть ее удалось не с первого раза, Артур даже подумал, что гостиница закрыта. И отчего-то запаниковал, и стал с силой рвать дверь на себя. Со скрипом и ржавым лязгом она наконец поддалась.

Портье дремал за стойкой. На появление постояльца никак не отреагировал. Пришлось позвонить в колокольчик, чтобы его разбудить.

– Одноместный, пожалуйста, – попросил Артур.

Портье, не поднимая на него глаз, кивнул, раскрыл большую старую бухгалтерского вида тетрадь – компьютера в этой богом забытой гостинице не было – поводит пальцем по строчкам и объявил его номер с какой-то торжественной значимостью. Затем так же торжественно протянул ключ на деревянной груше.

– А как насчет шампанского? – спросил Артур больше для того, чтобы сбить с портье эту непонятную значимость. –

Можно сейчас его заказать прямо в номер?

– Шампанское? – Портье на секунду задумался. – Шампанское в буфете, – пробормотал он. – Но заказать, конечно, можно в любое время. Вот только... Неужели вы будете пить шампанское в одиночку?

– Почему бы и нет? – Артур смутился, но постарался не показать виду. Всегда все праздники он отмечал один, и ему не приходило в голову, что в этом есть что-то ненормальное. А ведь портье прав: пить шампанское в одиночку действительно глупо. – Скоро должен подъехать мой... брат. – Слова слетели сами собой, он даже не успел ничего обдумать.

– Брат? – Портье неизвестно чему обрадовался. – Брат? Прекрасно! – Он протянул бланк. – Заполните, пожалуйста, и можете заселяться.

Дверь с тяжелым скрежетом открылась, и потянуло сквозняком. Артур обернулся, но не смог рассмотреть человека, стоящего на пороге гостиницы и почему-то не решающегося зайти, – только щель в темноту ночной улицы и смутный силуэт.

– А вот, кажется, и ваш брат! – воскликнул портье, взял у Артура заполненный бланк и деньги. – Насчет шампанского я могу распорядиться сам. Какое и в каком количестве вам нужно?

Дверь снова тяжело закрипела и закрылась. Человек так и не решился войти.

– Странно! – проговорил портье и недовольно посмотрел

на Артура, будто он обманул какие-то его надежды.

– «Prosecco», две бутылки, – смущенно, скороговоркой сказал Артур и быстро, пока не началось никаких новых распросов, пошел к лестнице.

* * *

Номер, вопреки ожиданиям, оказался роскошным. Первым делом Артур зажег весь имеющийся свет: люстру, светильник, лампу на столике перед зеркалом. В коридоре было темно, и на какой-то момент он так испугался, что чуть не бросился опрометью вниз – назад, в фойе, к этому хоть и не очень приятному, но живому человеку – портье. Но, к счастью, вовремя отыскал свой номер, для чего пришлось освещать все подряд двери зажигалкой. Потом, чтобы окончательно почувствовать, что все страшное, все плохое осталось позади, а впереди только праздник, праздник без границ, и счастье, счастье, он с размаху плюхнулся в кресло. И, дожидаясь, когда принесут шампанское, стал перебирать события сегодняшнего дня: проигрыш, бар, рассказ о самом себе и абсолютный выигрыш. Этот выигрыш стал возможен благодаря Ивану Молчанову и так чудесно подвернувшемуся его рассказу. Да, это чудо, самое настоящее чудо, из тех, что случаются раз в жизни или никогда не случаются. Портье считает, что праздник на одного невозможен, и Артур его обманул, сказав, что собирается отмечать с братом, что брат

вот-вот подъедет. Но он действительно вот-вот подъедет, его друг, его брат, его самый близкий человек, Иван Молчанов. Главный виновник торжества. Спаситель. Если Иван смог его угадать так много, неужели же и он не сможет угадать Ивана? Если Иван его знает до мельчайших жестов, до едва заметных движений, то и он постарается узнать. Да ведь ему с самого начала показалось, что они когда-то встречались. И получается, вовсе не мельком, а хорошо знали друг друга. Друга... Какое прекрасное, какое святое слово! У Артура никогда не было ни одного друга, разве что в детстве, но это не в счет, та жизнь давно забыта, ее словно и не было вовсе. Да, да, между ними, безусловно, существует какая-то связь, большая, чем простые человеческие отношения. Он не очень-то силен в мистике, не знает, как называются такие невероятно тесные духовные связи, но это все равно. Нужно только вспомнить что-то забытое. Закрывать глаза и погрузиться в короткий пророческий сон, вернее, предвидческий – нужно просто увидеть. Кажется, так это делается? Или лучше долго-долго смотреть в зеркало?

Иван – отражение. Нет, это он, Артур, отражение Ивана, увиденный им образ или... Он никогда не верил ни в мистику, ни в прочую чертовщину, но сегодня, сейчас, готов поверить. Итак, Иван – это тот, кто сидит перед зеркалом, а там, в его глубине – Артур. Он, Иван Молчанов, узнает черты дорогого ему человека, Артура. Он так давно хотел с ним встретиться, не в фантазиях, а вот так, воочию, распить бу-

тылочку шампанского, поговорить по душам.

– Здравствуйте, Артур! – Иван протянул для пожатия руку, Артур схватил ее и в восторге пожал.

– Здравствуйте! – Зеркало словно вздохнуло. Или это мигнул свет? В таких старых гостиницах обычно плохая проводка. Трудно сразу поверить, когда не верил всю жизнь, трудно перескочить через этот барьер. В плохую проводку поверить проще.

Нет, конечно, проводка ни при чем.

– Вы правы – проводка ни к черту. Вот и в коридоре совсем не было света. Я с трудом нашел ваш номер, думал уже повернуть назад.

В дверь тихонько постучали. Принесли шампанское и два бокала. Откуда они узнали, что бокала должно быть два? Да ведь Артур сам сказал портье. Вечер с братом...

Иван разлил шампанское по бокалам. Один протянул Артуру.

– За ваш выигрыш!

– За наш выигрыш!

Они чокнулись и выпили залпом.

– Не перейти ли на «ты»? – предложил Иван. – Понимаешь, в своих мыслях я всегда называл тебя «ты». И даже не так: «я». Я всегда писал от первого лица. Ты – это я. А знаешь, к себе обращаться на «вы» как-то неловко. Итак, «ты»?

– С удовольствием!

Они снова наполнили бокалы и выпили. Иван достал из

кармана пачку сигарет, закурил, протянул Артуру:

– Угощайся. Ты ведь никогда не курил трубку.

– Да, не курил. – Артур виновато улыбнулся и взял сигарету. – Но я научусь, обязательно научусь. Я знаю, это целая наука – правильно курить трубку, но я ее освою. – Он вытащил трубку из кармана куртки и положил на тумбочку возле кровати.

– Вот теперь все правильно, – одобрил Иван. – Только не хватает главного. Радости.

– Я очень, очень тебе рад!

– Нет, не то! Ты должен радоваться выигрышу. Безнадежный кошмар сменился беспредельным счастьем, – задумчиво проговорил Иван, словно прочитал по книге. – Радость, ликование, счастливый смех – ничего этого я не вижу.

– Прости. Я сейчас... – Артур поднялся, двинулся из зеркала навстречу Ивану и в нерешительности остановился. – Да, извини, сейчас. Я никак не могу осознать до конца, никак не могу по-настоящему обрадоваться, ощутить это беспредельное счастье. Нужно время. Нужно настроиться. Я постараюсь... – Он замер, настраиваясь – вспоминая. Неловкими движениями принялся доставать из карманов купюры, посмотрел на них равнодушно, положил на столик перед зеркалом. – Прости, не могу ощутить.

– Давай еще выпьем.

Иван разлил остатки шампанского, лихим, хулиганским жестом отшвырнул пустую бутылку – она покатилась по по-

лу, звеня, словно заливаясь смехом. Иван рассмеялся ей в унисон.

– Ну же, давай! Твой вызов Богу...

– Наш вызов Богу! – будто тост провозгласил Артур и снова залпом выпил.

Последний бокал сделал свое дело, последний бокал помог наконец осознать. Артур схватил со столика пачки денег, подкинул вверх. Словно листья под порывом ветра, купюры закружились и с веселым шуршанием плавно опустились на пол. Он засмеялся легко, поднял с пола деньги – не все, только часть, потому что они разлетелись, – и снова кинул. И опять рассмеялся. Открыл вторую бутылку, разлил шампанское по бокалам и почти насильно всучил Ивану – лицо его начало расплываться.

– За нас! За успех! За самую большую в жизни удачу! За главную партию!

– Главная партия впереди, – не согласился Иван ускользающим, приглушенным голосом. Лицо его совсем поплыло. И это почему-то тоже было здорово, тоже вызвало счастливый смех.

Артур все смеялся, смеялся, и Иван ему вторил, и пустая бутылка, катясь по полу, заливалась счастливым смехом.

И когда он проснулся от заливающего, смеющегося стука в дверь, уже давно наступило утро, и горничная пришла убираться в номере, не переставая смеяться, поклялся Ивану Молчанову в том, что они обязательно встретятся и выигра-

ют их главную партию.

* * *

Исполнить клятву оказалось непросто. Никаких следов Ивана Молчанова отыскать не удавалось. Книги его были повсюду: во всех магазинах, на лотках, в киосках, – а самого автора словно и не существовало вовсе.

Артур начал свои поиски с издательства, но там ему решительно отказали, даже не дослушав просьбы: личной информации об авторах не даем! У него почему-то сложилось впечатление, что ответили ему так, для проформы, потому что должны были именно так ответить, а имя Молчанова им неизвестно. Интернет тоже никакими адресами и явками не располагал, да и сведения об Иване были весьма скудными: удалось выяснить лишь, что он писатель-пророк. Но это Артур и сам знал. Тогда он обратился к частному детективу. Сыщик взялся за дело с энтузиазмом, обещал, что не позднее завтрашнего дня выяснит адрес, но на следующее утро позвонил, потребовал встретиться, вернул аванс и категорически отказался продолжать работу. И даже объясниться не захотел.

Каждый день Артур приезжал в казино «Свет удачи», но не играл, а просто бродил меж присутствующими, внимательно всматриваясь в их лица, непонятно на что надеясь: увидеть Ивана здесь он не мог, он это прекрасно знал. Па-

ру раз Артур сталкивался с тем «новичком» из «Золотого льва», на которого обратил внимание злосчастливым вечером в баре. Теперь ему казалось, что видел он его и раньше, когда-то давно, совсем при других обстоятельствах.

Прошло две недели, а он так и не продвинулся в поисках и совершенно не представлял, что можно предпринять. Теперь Артур и в «Свет удачи» больше не заглядывал, просто ездил бесцельно по городу: выходил с утра, садился в машину и возвращался вечером в свой вновь обретенный дом. Этот дом его совсем не радовал, и ничто не радовало: клятву исполнить невозможно, значит, ничего хорошего больше в жизни не будет.

В этот день отчаяние дошло до предела. А когда начался дождь, стало и совсем невыносимо. Казалось, что колеса разъедутся на скользком асфальте, как ноги, в разные стороны, и машина шлепнется на брюхо. Он припарковался возле какого-то магазина и двинулся по улице пешком. Станный, нелогичный поступок – в дождь люди стремятся в укрытие, а не вылезают наружу. Артур и сам бы не мог объяснить, почему так сделал. И тут он увидел Ивана. Он шел ему навстречу шаткой, неуверенной походкой, словно и сам сомневаясь в своем существовании. Эта неожиданная встреча была новым чудом, явленным Иваном. И странно было, как он так сразу Ивана узнал, ведь видел его только на фотографии и тогда, когда-то еще, где-то... Где?

– Здравствуйте! – Артур рассмеялся, он был так рад. – Вы

ведь Иван Молчанов? – на всякий случай решил он уточнить – а вдруг чудо не состоится, вдруг этот человек просто по-хож...

– Да, – Иван посмотрел на него так наивно, с такой доверчивостью, будто не он, а Артур был спасителем. И протянул руку – не так, как протягивает взрослый мужчина, для пожатия, а как ребенок дает руку взрослому. И в первый момент Артуру захотелось действительно взять и увести его за ручку с этой холодной, мрачной улицы, из-под дождя, но он вовремя сдержался и все-таки руку просто пожал.

– Вы не представляете, как долго я вас искал! – в восторге проговорил он. – Даже обращался в детективное агентство, все без толку. А тут вдруг встретил на улице. Это такая удача! Я – Артур Климов. Вы меня, конечно, не знаете.

Иван знал, Иван совсем не удивился их встрече, он даже не стал спрашивать, зачем Артур его искал. Ну, конечно, какой же он дурак! Иван Молчанов все-все о нем знает, подругому и быть не может. Это ему, Артуру, еще предстоит с Иваном познакомиться – по-настоящему познакомиться.

Иван попросил отвезти его в магазин итальянской одежды «Si o no». Это было так здорово! Потому что просьбу Ивана выполнить было легко, Артур знал, где находится этот магазин, сам там недавно купил костюм и вообще разбирался в одежде неплохо. Этот костюм чуть было не стал его похоронным нарядом, и только благодаря Ивану Молчанову...

На крыльце магазина у Ивана, видимо, закружилась голо-

ва, и Артур все-таки решился взять его за руку и повести, как ребенка. Они сразу прошли в отдел костюмов, рубашку, галстук и прочие мелочи можно подобрать потом, ведь, что ни говори, а главное в одежде – костюм. Вместе с продавщицей нашли три очень приличных и отправили Ивана в примерочную. И тут дверь сбоку в служебное помещение, Артур ее раньше и не замечал, открылась. На пороге оказался человек. Знакомое лицо, подумалось Артуру, только вот откуда... Да ведь это же тот «новичок» из «Золотого льва» и «Света удачи»! Он внимательно посмотрел на Артура и скрылся за дверью. Продавщица при этом как-то сникла, и простой, беззаботный разговор, завязавшийся было между ними, тоже сник.

– Кто это? – спросил шепотом Артур.

– Хозяин магазина, – тоже шепотом объяснила девушка. И, словно извиняясь за свой испуг, улыбнулась Артуру, притворилась, что ей все нипочем, и попыталась возобновить тот легкий, веселый, ни к чему не обязывающий разговор, но вышло натянуто:

– Услуга за услугу. Я помогла выбрать костюм для вашего друга, а с вас...

– Букет цветов? – Артур рассмеялся, но и у него тоже получилось как-то скованно.

– Нет, лучше купите шампанского, – игриво проговорила она, но не удержалась и бросила на дверь служебного входа опасливый взгляд.

– Benissimo! – сказал он неизвестно откуда выскочившее слово и понял, что слово это итальянское, а главное, вдруг вспомнил, где и при каких обстоятельствах впервые встретился с Иваном Молчановым. Восемь лет назад, на курсах итальянского. Да ведь и этот новичок-хозяин тоже был там! И когда он все это вспомнил и понял, ему почему-то сделалось страшно – и за Ивана, и за себя.

– Вам не кажется, что как-то слишком он долго? – нервно спросил Артур продавщицу.

– Да, – с такой же тревогой ответила она. – Уже минут двадцать прошло.

Он не мог больше ждать. Наплевав на условности, Артур решительно подошел к примерочной, отдернул занавеску. На полу валялись брюки и свитер, на вешалке висели два из трех выбранных ими костюма, а самого Ивана Молчанова не было.

Глава 3

Я несся вниз, летел в темноте, падал и падал в бездну. Но вот наконец пространство, в котором я находился, остановилось, замерло. Я смог подняться. Вытянув руки, сделал шаг вперед – и уперся в холодную железную стену. Развернулся, шагнул назад – то же самое. Ощупал пространство справа и слева – никакой разницы. Темный железный бункер, и как из него выбраться, неизвестно. Остается лишь ждать. Если кто-то для каких-то целей меня сюда заключил, значит, он должен прийти, и тогда я либо узнаю, что произошло, либо... никогда ничего уже не узнаю. Но все равно, другого выхода нет – отсюда самостоятельно не выбраться.

Я сел на железный пол, привалился спиной к холодной железной стене и стал ждать окончания пьесы.

Да нет! Никакая это не пьеса! Как только я произнес это слово, «пьеса», понял, что происходит. Пусть не до конца, но хотя бы догадался, откуда вообще взялось это темное железное пространство. И что такое это темное железное пространство. Это обычный грузовой лифт, а я, заключенный в него, – герой своего недописанного романа. Об этом герое я успел забыть, он был в предыдущей главе, перед историей с бизнесменами, на которой я и увяз. Он не был главным действующим лицом, так, побочная линия, потому я от него совершенно отвлекся. Меня заботила судьба бизнесменов, а не

он. Но странно, почему я не вспомнил о нем сегодня, когда шел в магазин одежды? Ведь и мой герой тоже шел именно в такой магазин. Почему же похожесть самой ситуации не напомнила, не предостерегла?

Потому, вероятно, что себя-то со своими героями я никогда не ассоциировал. Писал всех от первого лица – и не ассоциировал. Теперь вот придется, теперь, когда я стал пленником своей собственной истории.

Итак, мой герой оказался в магазине одежды, выбрал костюм, зашел в примерочную – и провалился в черную бездну. Да, именно на этом и заканчивалась глава. Ничего о грузовом лифте сказано не было. Как же я тогда понял, что нахожусь именно в лифте? Да просто действие двинулось дальше, только теперь не в виде печатного текста, а в виде реально происходящих событий. Вот и узнал. Как всегда узнавал по ходу сюжета. Я никогда ничего не придумываю, события разворачиваются сами по себе, мне оставалось их просто записывать.

Значит, герой мой – вернее, я – оказался в грузовом лифте. Ну, что ж, не так все безнадежно – отсюда вполне можно выбраться. Нужно просто найти панель с кнопками.

Я опять поднялся, тщательно, сантиметр за сантиметром ощупал стены. Догадка оказалась верна – панель отыскалась! Нажал на нижнюю кнопку – одна из стенок разъехалась в стороны, превратившись в дверь. Я вышел из лифта – и оказался на улице.

Было уже темно, успела наступить ночь. Странно! А мне казалось, что прошло не так много времени. Наверное, я просто уснул, падая, падая вниз. Но в любом случае, приключения мои закончились, приду сейчас домой, лягу в постель, досыпать остаток ночи. Перевел дух, то есть вдохнул и выдохнул воздух – что-то было не так. В самом вкусе воздуха было что-то необычное. Сделал шаг вперед, огляделся. Темнота здесь была почти такая же плотная, как в лифте. Ни одного огонька, только звезды на небе, крупные, яркие звезды. Слишком крупные и яркие. И небо неправдоподобно черное. Прошел еще немного вперед – шаги раздавались гулко. Все это тревожило. Но я не сдался так сразу: шел, слушал шаги и пытался распробовать воздух. Пока не уперся в стену – каменную, шершавую на этот раз, а не гладкую, железную, как в лифте. Двинулся вправо, пошел вдоль стены...

Западня в западне – вот что это такое. Выбравшись из одной, я оказался в новой – во дворе-колодце. В такой темноте выхода не найти. Тем более что в некоторых дворах-колодцах вообще нет прямого выхода на улицу, только через квартиры. Мне почему-то кажется, что это тот самый случай.

Но вот что непонятно. Магазин «Si o no» находится во вполне современном здании, прямом и длинном. В таком доме просто не может быть никакого двора-колодца. И воздух... Чужой это воздух! Запах и вкус его совершенно другой.

Я заметался по двору, меня охватила самая настоящая па-

ника. Хотелось кричать и стучать в двери, на которые вдруг стала наталкиваться моя вытянутая вперед рука. Двери, двери – что там за каждой из них? Вероятно, лестница, тоже темная, как этот двор. Темная, длинная, бесконечная.

И все-таки я не выдержал и закричал, громко, пронзительно, как кричат во сне. И подумал: с этого и нужно было начинать, а не биться в кошмаре, сейчас проснусь, и все закончится. Но сон продолжался, мой крик его не прогнал. Где-то наверху стукнула рама – кто-то, кого мне не было видно, распахнул окно, высунулся и обругал меня на чужом языке, который мне был понятен, на языке, который я так хотел забыть.

– Сеньор! – закричал я ему снизу по-русски. – Я всего лишь хочу найти выход.

Окно захлопнулось, а через несколько минут явственно слышались сбегаящие вниз шаги – я угадал, за каждой из этих дверей лестница.

Дверь открылась, луч света ударил мне в глаза и ослепил, поэтому я не сразу смог рассмотреть человека, пришедшего мне на помощь. Пока мои глаза привыкали к переходу от тьмы к свету, он успел рассказать чуть не всю историю своей жизни. Он живет здесь с престарелыми родителями, женой и тремя детьми – все мальчишки, младшему вчера исполнился месяц, жена мечтает о дочери, зовут его Винченцо... Свою быструю итальянскую речь он перемежал добродушным смехом, хлопал меня по плечу, но не догадывался отве-

сти от моего лица фонарик.

Внезапно вспыхнул свет чуть не во всех окнах. Наши громкие голоса разбудили соседей. Винченцо погасил наконец свой фонарик, и я смог его рассмотреть. На нем была черная широкополая шляпа, такая же, как покупал я много лет назад. Зачем он ее надел? Здесь, среди ночи, в этом дворе шляпа выглядит совершенно неуместно. Роста он был очень высокого и... Кого-то Винченцо мне напоминал. Кого?

– Пойдемте, – проговорил он, взял меня под руку и потянул к двери, из которой до этого вышел.

Подъезд оказался сквозным. Мы поднялись на несколько ступенек вверх, пересекли площадку и вышли на улицу.

– До свиданья, сеньор, – Винченцо снял шляпу и помахал мне, – заходите как-нибудь в гости.

Улицу, как и двор, не освещал ни один фонарь. Стоило мне сделать несколько шагов, и мой новый друг совершенно перестал быть виден. Но я знал, что он все еще стоит и машет шляпой мне вслед. Но вот хлопнула дверь – ушел.

Я двинулся дальше неуверенными шагами слепого по неизведанному, темному коридору улицы. Совсем как во сне. Закружилась голова. Чтобы не упасть, вытянул руку и нащупал стену. Затем другую руку – и тоже нащупал. Узкая, узкая улочка. Темная, страшная. Куда она меня выведет? Я пошел чуть быстрее, потом побежал, споткнулся, упал и долго не мог подняться. Ночь никак не кончалась. И улица не кончалась. Выйти бы к остановке, тогда будет проще понять,

куда я попал. Тогда, возможно, удастся вернуться домой. Я не верил в то, что удастся вернуться, но все же шел, уговаривая себя, что я ошибаюсь, что скоро кошмар закончится, наступит рассвет, и я увижу, что просто попал в незнакомый район.

Наконец темнота начала понемногу рассеиваться. Проступили очертания домов. Я снова ускорил шаг, стараясь не всматриваться в обманчивые силуэты – пусть рассветет окончательно.

Небо вылиняло, выносилось, как много раз стиранная черная недорогая футболка. У меня таких было несколько, я их очень любил. Небо совсем посветлело, где-то заухала горлица... Улица, по которой я шел, оказалась знакома. Да вижу, вижу, теперь себя не обманешь! Рассвет, долгожданный рассвет все расставил на свои места. Это та самая улица. Тот самый город. Город из моего детства.

Вернее, не так – город моего детства. Моя первая боль, первая обида и моя первая любовь. Тайная, и потому такая сладкая и волнующая. Моя детская болезнь, от которой я так и не излечился. Хотя было время... Да, да, мне тогда показалось, что я абсолютно здоров, что смог забыть эти узкие улочки, расширяющиеся по ходу моего шага, что больше меня не поражают эти дома, словно слепленные из волшебного пластилина. Я вырос, стал взрослым: волшебство развенчалось, игрушки брошены на антресоль.

Черта с два! Болезнь просто притаилась на время в моем

организме, но глубоко пустила корни. Не замечая ее, я просто стал жить в этом городе в своих рассказах и романах. Именно здесь, в этом городе без названия, на этих улочках и происходили все события, все переломы судеб моих героев. А теперь вот я стал одним из них...

А может, был им всегда, только не знал об этом? Ведь все началось так давно. Мне только исполнилось шесть. Тогда получается, что я герой даже не своего, а чьего-то чужого романа. Этот кто-то написал меня, возможно, задолго до моего рождения. И всю мою жизнь написал, и все мои произведения. Потому-то я никогда не мог придумать заранее ни одного сюжета, потому-то все, что бы я ни написал, всегда сбывалось. Этот кто-то написал и город. И мою огромную первую в жизни обиду...

Да, с обиды-то все и началось. Никогда, ни до, ни после, меня не отталкивали с таким равнодушием. И кто? Самый близкий, самый любимый человек – моя мама.

* * *

Мне было шесть лет. Я проснулся утром, пробежался по комнатам и нашел маму на кухне. Она читала за столом какое-то письмо. Вернее, не читала, а как-то странно всматривалась в страницу, смешно шевеля губами. Я позвал ее, она не услышала. Все смотрела и смотрела на этот исписанный непонятными каракулями лист, а меня не видела. Да, каза-

лось, что и лист этот она не видит, хоть и глядит на него не отрываясь, и кухни не видит, и вообще где-то не здесь. Это было странно и немного страшно. На столе лежали фотографии и яркий, необычный, какой-то праздничный конверт. Я взял одну из фотографий – не столько из любопытства, сколько для того, чтобы отвлечься от жути, которая нарастала от непривычной тишины и полной маминой неподвижности. На фотографии изображалась странная улица чужого необычного города – таких я не видел еще никогда и нигде: ни по телевизору, ни на картинках в книжках. Я взял следующую фотографию – тот же город, только дома еще интереснее – какие-то словно ненастоящие. На третьей был снят собор, но я принял его за волшебный дворец и представил, как мы в нем живем, гуляем по сказочным улочкам.

– Мама! – Я потянул ее за руку. – Это что?

Она вздрогнула, посмотрела так, словно только сейчас меня заметила на кухне.

– Что это, мама? – Я протянул ей фотографию с дворцом. – Какой красивый город! Как он называется?

– Не смей!

Она покраснела и резко выхватила фотографию.

– Никогда, слышишь, никогда не прикасайся к этому! – закричала она чужим, злым голосом. – Я запрещаю!

Мама сгребла со стола фотографии, сложила письмо и все это грубо, неаккуратно сунула в конверт.

– Осторожно, ты их помнешь! – не удержавшись, закричал

я и потянулся к конверту.

И тут произошла ужасная вещь. Мама сильно, с какой-то необъяснимой яростью оттолкнула меня, сунула конверт в карман халата и ушла из кухни, даже не заметив, что я упал и больно ударился о ножку стола.

В ванной зажегся свет, полилась из крана вода, затем я услышал, как заработала стиральная машина. За что мама на меня так рассердилась, ведь я не сделал ничего плохого? И почему теперь не приходит, почему именно сейчас решила устроить стирку, словно ничего не произошло? Неужели она обо мне забыла? Все это было странно и дико, словно это не моя мама, а какая-то злая мачеха из сказки.

Я поднялся с пола и пошел в свою комнату. Проходя мимо, заглянул в ванную – дверь была открытой. Мама загружала машину бельем, а на меня даже не посмотрела.

Пришла она ко мне, только когда настало время обедать. Позвала как ни в чем не бывало, будто и не произошло этой ужасной ссоры. Я видел, что конверт все еще у нее в кармане, но, конечно, не решился завести о нем разговор, хотя мне просто нестерпимо вдруг захотелось еще раз увидеть этот необыкновенный город. Решился я на другое. До самого вечера ни на шаг не отходил от мамы – боялся, что она перепрячет конверт, и вынашивал план первого в своей жизни преступления – кражи.

Я понимал, что поступаю плохо, но мне было просто необходимо заполучить эти фотографии – владеть ими единолич-

но. Чтобы только мне одному принадлежали эти улочки. Зачем? Я не знал ответа тогда, как не знаю его и сейчас. Чем больше проходило времени в ожидании, чем ближе подходила ночь, тем отчетливей я понимал, что с мамой разговаривать на тему конверта не только бесполезно, но и опасно – она навсегда лишит меня этого волшебного города. Остается одно – украсть. Украсть и сохранить тайну.

Медленно, невыносимо медленно тянулся вечер. Пришел с работы папа. Мы ужинали, смотрели телевизор, играли в логос – все было как обычно, все было так, как я всегда любил – всегда, но не сегодня. И время ложиться спать никак не наставало. Наверное, это был самый длинный вечер в моей жизни. Я так устал!

Но ночь все-таки пришла. Сначала для меня, потом, спустя бесконечно долгое время, для родителей. Я лежал в темноте и считал про себя, чтобы не уснуть: досчитывал до ста и спускался вниз к единице. Я был смышленным ребенком и уже знал все цифры. Зато не знал, что это самый неверный способ сохранить бодрость из всех возможных. Числа наслаивались, сбивались и путались, уставшими голосами просили меня перестать. Глаза закрывались, я боролся со сном изо всех сил, тер лицо и начинал счет сначала. На очередном круге на шестидесяти пяти я все же уснул. А вернее, провалился в кошмар, который до сих пор помню, который потом снился мне много раз. Который совсем недавно снова приснился.

Пустая, огромная, бесконечно огромная комната. Я иду из одного ее конца в другой и никак не могу дойти. Я знаю, что там – зеркало. Я знаю, что произойдет, когда я наконец дойду – в зеркале будет не мое отражение. Но я все равно упрямо пытаюсь дойти. Мне нельзя туда! Бесконечная комната, путь к невозможному зеркалу. Ноги отказываются ступать. Мне страшно, мне жутко, мне хочется закричать, позвать... Новый шаг. Вот наконец блеснуло. Как гладь воды в сумерках, когда бежишь к реке летним дачным вечером, бежишь, и боишься, и ждешь... Не будет ни лета, ни дачи, если дойти до зеркала. Но я все равно иду. Зеркало меня поглотит. Я упаду в него. Бултых, как в воду. Я знаю. Комната бесконечна...

Внезапно что-то происходит. Я не понял, как, но вот уже стою у зеркала. Ближко-близко стою, так близко, что оно туманится от моего дыхания, протягиваю руку, чтобы протереть, – раздается тихий, легкий, еле слышный хруст, и рука проваливается сквозь гладкую поверхность, как сквозь тонкий лед. Не удержав равновесия, вслед за ней проваливаюсь я.

Я несусь, лечу в темноте, все падаю и падаю в бездну. Я кричу – и выныриваю из этого кошмара.

Этот сон меня мучил потом всю жизнь. Я пытался от него избавиться, написать, переболеть, но он не прижился ни в одном моем романе. И только в последнем... Я не знал, что когда-нибудь мой сон станет вещим. И вот сегодня я не су-

мел проснуться, сегодня я долетел до дна бездны.

А тогда, в детстве, разбудив себя криком, я испугался, что все испортил, все проспал. Конечно, уже наступило утро, и родители встали. Это значит, я никогда не достану фотографий, никогда не попаду в сказочный город.

Оказалось, что спал я недолго. И мой крик разбудил только меня. Я встал, отдернул немного шторы – за окном было очень темно и тихо. И в квартире было очень темно и тихо. Так темно и тихо, что мне стало страшней, чем в той комнате из кошмара. Осторожно, стараясь двигаться бесшумно, я пошел в спальню родителей. По темному, бесконечному коридору. Я знал, что когда дойду... Но все равно шел.

В спальне было немного светлей из-за фонаря, который как раз находился под окном с этой стороны дома. Но зато как-то зловеще громко стучали часы. И дыхание родителей мне показалось зловещим и громким. И кресло дыбилося в углу, словно большое кровожадное животное, присевшее на задние лапы для прыжка. Вот сейчас оно рыкнет и прыгнет...

Стараясь не смотреть в тот страшный угол, я нашарил на стуле мамин халат, на ощупь нашел карман. В первом оказался носовой платок. Во втором – ничего. Совсем ничего, пусто. Я не мог поверить, не мог сдвинуться с места. Как такое возможно? Я ведь видел, что конверт в кармане, я весь вечер не отходил от мамы, когда она успела перепрятать? Это страшнее, чем сон, страшнее, чем ночь, чем часы, чем притаившийся зверь. Но конверта не было. Зверь в углу ше-

вельнул головой, часы застучали громче и злее. Боясь сделать лишнее движение и повернуться, я попятился к двери.

Я все пятился, пятился, весь длинный коридор, весь промежуток от двери своей комнаты до другого ее конца, пока не ударился о спинку кровати и не упал. От пережитого ужаса, боли и разочарования я заплакал. Поднялся, залез под одеяло и так, плача, уснул.

Проснулся утром окончательно заболевшим. Город за ночь пустил ростки в моем сознании. Идея завладеть фотографиями из детского упрямства получить игрушку во что бы то ни стало превратилась в настоящую взрослую идею фикс. Я стал одержимым. Я сделался лживым, хитрым и изворотливым. Сколько раз я притворялся больным, чтобы меня оставили одного дома. И тут же начинал поиски. Я следил за мамой, все свое время этому посвящал, когда мы были вдвоем, надеясь, что она невольно выдаст тайник. Все было напрасно. Временами мне уже начинало казаться, что все это я выдумал: не было никакого конверта, не было города, не было того утра, не было нашей с мамой ссоры. От этого я чувствовал облегчение и жуткую обиду одновременно.

Прошло много времени – может, месяц, а может, и больше. И вот однажды, когда мы спускались по лестнице, мама притормозила у почтовых ящиков и, виновато оглянувшись на меня, достала новое письмо. В таком же ярком конверте. Мне хватило хитрости и выдержки, чтобы ни о чем не спросить, а потом... Я увидел, куда она положила новый конверт.

Конечно, там оказался и тот. И еще, и еще. Писем было целых пять штук. И к каждому из них прилагались фотографии. Целая куча богатств, целая гора драгоценностей. Все это я унес на следующий же день к себе в комнату. Спрятал в карман игрушечного огромного кенгуру, которого мне подарили на день рождения.

Я боялся, что мама хватится фотографий, но она, кажется, ничего не заметила. Во всяком случае, ни о чем меня не спросила. Потом, спустя много лет, когда я стал взрослым, я думал: действительно она не заметила или не захотела заметить? Но почему? Ведь если она была не против, чтобы я их взял, зачем тогда устроила ту ссору на кухне? А если против, то как могла не заметить пропажу? Но тогда, в шестилетнем возрасте, этот вопрос меня совершенно не занимал. Я просто радовался, что все обошлось и не нужно снова врать, изворачиваться, что у меня есть тайна.

Фотографий оказалось двадцать. Поздним вечером, когда я, наконец, остался один в своей комнате, я их сосчитал – в полной темноте, на ощупь. Свет включать не решился, потому что родители могли заметить сквозь щель в двери. Сосчитал и снова спрятал в карман кенгуру. Рассмотреть фотографии мне удалось только дня через два, когда родители ушли в гости. Зато у меня был целый вечер в полном распоряжении. Я мог смотреть сколько угодно, не боясь, не таясь, без всяких помех. Это было первое большое путешествие по моему тайному городу. Я бродил по узким улочкам, гулял

по огромной площади, по еле заметной, затаенной в траве тропинке спускался к морю. Море сначала восхитило меня больше всего. Мне нравилось идти по бесконечно тянущемуся берегу вперед, все вперед. Море синело, сверкало, переливалось справа, а я шагал, проваливаясь в песок, стараясь, чтобы ноги увязли как можно глубже, вытягивал их с наигранной усталостью и делал следующий шаг, увязая. Здесь я познакомился с черно-белым лохматым щенком – он так никогда и не стал взрослой собакой, даже когда мне исполнилось двенадцать. Щенок жил на пляже и всегда ужасно радовался моему появлению. Прыгал, выпрашивая мороженое. Я его угощал, а потом мы вместе бросались в воду, плавали наперегонки, а потом шли по песчаному берегу.

Но прогулка к морю таила опасность. До того, как выйти к тайной тропинке, затерявшейся в траве, нужно было преодолеть мрачный, темный дом. Первый раз, когда я бежал на пляж, я его не заметил, потому что очень спешил и смотрел прямо перед собой. Увидел этот дом, когда возвращался назад. Увидел и остановился, и долго не мог заставить себя двинуться дальше. У окна стоял страшный великан в черной широкополой шляпе и смотрел на меня с таким видом, будто ни за что не пропустит мимо своего дома, и качал головой. Позже, много позже, в четвертое или даже пятое свое путешествие в этот город, я понял, что никакой это не великан, а простой манекен, и дом – просто мастерская портного, ну, такого, как из сказки о храбром портняжке. Дом перестал

казаться темным и жутким – вполне обыкновенный старый дом. А черная шляпа, надетая на манекен, мне даже понравилась, я подумал, что когда-нибудь куплю себе такую же.

Я не знал тогда, в какой стране находится этот город, я и потом догадался случайно, да и то... Нет, не был я уверен и тогда, хоть и все так совпало. До сегодняшнего дня и знал, и не знал. До встречи с Винченцо, а потом до того, как окончательно не рассвело, все надеялся, что это не Италия. Потому что...

Потому что тогда еще один мой сон, который я хочу забыть, забыть, окажется вещим.

Море... Ну да. Я и сейчас не прочь оказаться на пляже. Мой щенок, конечно, так и не вырос во взрослую собаку. Даже сейчас хочу оказаться, хотя море – это было первое, что я сумел изжить. Первые путешествия непременно заканчивались на пляже, да я и по городу-то бродил сначала, чтобы выйти к морю. Дома и улицы отошли на второй план, как только я увидел фотографию с морем, и стали скорее предлогом. Это потом я их полюбил по-настоящему, может быть, через год. Это потом, через много-много лет, переселил всех героев своих книг на улицы города – чаще всего они выводили их к удаче, к счастливому концу. А в шесть лет море меня просто зачаровало. Мой город связывался главным образом с ним, я так долго бродил по пляжу, так много плескался в воде, что казалось, даже кожа и волосы мои просолились. А однажды мама сказала:

– Когда только ты успел загореть, ведь лето только началось?

Не знала она, ничего она не знала. Я засмеялся и убежал в свою комнату, в свой город, к морю.

Все изменилось, когда я забрел в эту рыбацкую хижину. Раньше я здесь никогда не был, потому что не заходил так далеко. День был жарким, я долго шел по берегу, мне захотелось пить, и щенку моему тоже, он даже поскуливал от жажды. Я постучался в дверь хижины, мне никто не ответил, постучал снова, погромче – и тут дверь сама собой открылась, из хижины повеяло такой затхлой, такой гнилой, мертвой сыростью, что меня замутило. И стало холодно и отчего-то жутко. В хижине было темно. Я стоял на пороге и боялся войти, но щенок, глупый маленький мой друг, тявкнул и бросился внутрь. Я не мог его бросить.

Хижина оказалась той самой бесконечной, огромной комнатой с зеркалом из моего сна. Пройдя из одного ее конца в другой, я провалился в бездну. И разбудил себя криком.

Не комната из сна, а сон, который слегка изменился. Хижина оказалась обычным ночным кошмаром. Но она отравила мне море. Теперь к соленому свежему морскому запаху неизменно примешивался мертвый и гниlostный запах хижины. И даже щенок, который, конечно, нашелся, не мог больше меня примирить с морем. Я забегал на пляж всего на несколько минут и уходил в город, бродить, бродить по уютным безопасным улочкам. Тогда-то я их и полюбил по-

новому. А потом навсегда.

Когда мне исполнилось двенадцать, по привычке, оставшись один, разложил фотографии и вдруг понял, что они мне больше не нужны. Зачем? Если можно просто закрыть глаза и оказаться в этом городе? Потихоньку я вернул фотографии на место – за выступ на антресоли в прихожей, положил их обратно в конверты. Странно, что конверты все еще были здесь. Попытался прочесть письмо, наугад вынутое из одного из конвертов, но ничего не понял: буквы были хоть и знакомые, такие же, как в английском, но в понятные слова не складывались. Уже через много лет, когда я стал взрослым... Но я думаю, что это просто был сон, еще один сон, тот самый, который я так хочу забыть. А впрочем... Где кончается сон и начинается явь? Никогда не мог провести четкой границы. Тогда, в детстве, мне казалось, что город мой и есть настоящее, реальное, а школа, моя комната, наша квартира, жизнь – это не более чем фотографии. Ну, а сегодня, сейчас что происходит? Мне снова снится мой город или он действительно есть? Я иду узкой улочкой, я ощущаю камень под ногой, я могу дотронуться до стены дома и почувствовать ее шероховатость, а если проведу чуть с нажимом, вот так: сверху вниз, – поцарапаю ладонь. Значит, все реальное? Но ведь и в детстве я точно так же шел по этой самой улочке, точно так же ощущал и вполне реально загорел на пляже этого выдуманного города. Почему же тогда я так испугался, попав сюда? Почему так долго обманывал себя, прикрываясь

темнотой, почему не захотел признать этот город сразу?

Потому что сейчас я оказался здесь без всякого своего желания, насильно, меня сюда забросило нечто, какая-то таинственная сила. Я только мечтал, только грезил, а она, подслушав мои мысли, сон превратила в явь. Но для чего?

* * *

Раннее утро перетекло в утро деловое – на улице появились люди, дороги наполнились транспортом. А я и не заметил, когда это произошло. Только что шел в полном одиночестве – и вот словно сменился кадр в фильме. Прохожие не обращали на меня особого внимания, принимая в свою компанию призраков – видимо, я ничем не выделялся. Не знаю, хорошо это или плохо, но точно удобно. Проходя мимо одного из магазинов, я осторожно посмотрелся в его зеркальную витрину, боясь и надеясь, что все вернется на свои места: сначала провалюсь в черную бездну, потом окажусь в примерочной. Но ничего не произошло: я увидел свое отражение, я – просто я, такой, как всегда, только костюм чужой. И улица отразилась, не исказившись и не перевоплотившись в улицу города, в котором я живу в реальной жизни. Дотронулся до витрины рукой – стекло, обыкновенное стекло, никакого подвоха. Снова посмотрел на себя, на улицу. И тут зеркальная реальность все-таки дала трещину – я увидел ее, девушку Алину. Она шла по противоположной стороне ули-

цы, прижимая к груди какую-то рукопись.

Мне почему-то представилось, что это рукопись моего недописанного романа. Только, судя по толщине стопки листов, он здесь весь, целиком. Потому я и не смог дописать, она у меня его украла. Нужно ее срочно догнать.

Я бросился за девушкой.

– Пойдите! – закричал я ей вслед, но она не остановилась, не оглянулась, хотя прекрасно меня слышала. – Да пойте же!

Все так же продолжая «не слышать», девушка дошла до перекрестка и остановилась у светофора, чтобы перейти дорогу. Меня отделяло от нее всего несколько метров. Если еще хоть пару секунд не загорится зеленый, смогу ее догнать.

Догнать и что? Что сделать? Вырвать, не вступая в объяснения, мою – конечно же, мою – рукопись и молча уйти? Или, наоборот, потребовать объяснений: кто она, как попала в мой город, откуда у нее мой роман?

Жутко взревела машина. Так ужасно громко и страшно, будто это и не машина вовсе, а некий фантастический монстр. Я остановился, оглянулся назад. Огромный грузовик на бешеной скорости несся по дороге на неправдоподобно маленький по сравнению с ним белый «форд». Боже мой, что происходит? Он же сейчас...

Послышался страшный звук удара. Казалось, воздух на мгновение замер, и все замерло. «Форд» подскочил, перевернулся в воздухе и грохнулся о землю. Из покоренной

машины через разбитое лобовое стекло вылетел водитель. Грузовик взревел и, не останавливаясь, пронесся мимо.

Я бросился к окровавленному, лежащему на асфальте водителю «форда». Голова его была разбита, грудная клетка неестественно провалилась, наверное, не осталось ни одного целого ребра, но лицо совершенно не пострадало. Я его сразу узнал. Это был он, мой герой, опоздавший на встречу бизнесмен, компаньон другого моего героя. Я наклонился над ним, попытался нащупать пульс – ничего. Мертв. Убит. Да, да, да, только что на моих глазах произошло убийство. Потому что это убийство. Убийство! Я видел сам! Не случайный наезд, а именно...

Так вот почему он не пришел на встречу вовремя. Он вообще не пришел. Не мог прийти. Почему я об этом не догадался раньше? Ведь мог бы предупредить, спасти...

Ничего я не мог! Не я управляю своими героями. И этот грузовик придумал не я. Не я! Я бы его ни за что не стал убивать по своей воле. Я не убийца. Но теперь придется это писать.

Послышался вой сирены. «Скорая помощь». К черту, к черту! Не нужна ему никакая «Скорая помощь», не поможет, не воскресит. Я огляделся вокруг. Оказывается, собралась большая толпа – толпу тоже придется писать, – все что-то кричали, все что-то пытались толковать друг другу. Ну что ж, справятся без меня. Больше здесь делать нечего, свой ответ я получил. Мой герой не пришел на встречу, потому

что убит.

Ужасно тоскуя, будто убит мой лучший друг, а не этот, в общем-то, не совсем положительный персонаж, я вышел из толпы и поплелся по улице. И тут вспомнил про девушку Алину. Да, я ведь спешил за ней, мне нужно ее догнать.

Светофор опять светился красным. Девушки на перекрестке не было.

* * *

Не было девушки, да и улиц не стало. Я шел и шел по узкому коридору некоего пространства, не понимая, куда и зачем иду. Временами налетал ветер, я судорожно-машинально хватался за голову, опасаясь, что он сдует шляпу. Спыхватывался, что никакой шляпы нет, пытался вспомнить, что с ней было связано, и не мог. Шел дальше, подавленный, убитый, все шел и шел. Временами налетали звуки, я судорожно вслушивался в них, но не мог понять, что они значат, не мог разложить их на составляющие. Временами солнце слепило невыносимо, я пытался определить, с какой стороны оно светит, но тоже безуспешно. Смутно представлялось, что где-то поблизости море, смутно желалось оказаться на берегу, но я не помнил, для чего это нужно. Я просто шел по узкому коридору, без цели, без надежды, что он когда-нибудь закончится и начнется нечто более определенное.

Узкий коридор вдруг сузился настолько, что чуть меня

не сдавил. Я стряхнул с себя сонную муть. Огляделся. Улица вернулась. И вывела меня на новую улицу, слишком знакомую... Наверное, это и была моя цель – шел, не осознавая, а пришел прямо к цели. Цветочная мастерская, балкон, на балконе... Пока не пришла, пока не появилась, лоскутки шелка дремлют, разложенные на столе, в ожидании. А вот и тот самый дом, напротив. Вернее, это мастерская напротив того самого дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.